

УДК 811.161.1

ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИОННЫЙ ДИСКУРС В СВЕТЕ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹

С.Ю. Нагорная

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail:

nagornaya@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются особенности развития литературного языка на примере сочинений старообрядцев-странников, влияние традиционных текстов на стабилизирующие и адаптационные возможности в изменяющихся социосистемах, выявляются механизмы преемственности, устойчивая основа письменного узуса, не подвергавшаяся разрушению, и подвижные элементы.

Ключевые слова: история литературного языка, старообрядчество, эволюция, механизмы преемственности.

Исследование современных процессов в русском литературном языке обязывает исследователей обращаться ко всему корпусу реальных языковых и речевых манифестаций, что позволит выявить тенденции развития национального языка и параметры эволюционных механизмов.

Изучение реальных письменных манифестаций в синхроническом и диахроническом аспектах дает возможность проследить не только стратегии развития литературного языка и национальной культуры, влияние языковой компетенции на литературный язык, но и уровень самосознания и национальной идентичности носителей языка, конативности духовных ценностей. Именно поэтому для объективного представления о состоянии, составе и тенденциях развития русского литературного языка необходимо изучать весь комплекс текстов разного направления и жанров.

В условиях мировой тенденции к унификации и интеграции особый интерес вызывают тексты представителей ярко выраженного антиассимилятивного культурно-языкового поведения – старообрядцев, носителей традиционной национальной православной культуры.

Анализ изменений письменного языка в сочинениях старообрядцев XVIII–XX вв. позволяет определить динамику языковых изменений, их влияние на ментальность, черты преемственности, парадигму этнического самосознания. Старообрядческие тексты данного периода создаются на основе традиционного опыта, но в то же время представляют собой особый, уникальный путь, отличающий их и от текстов раннего староверия, и от кодифицированного языка, и от языка «официального» религиозного дискурса.

Старообрядчество эксплицирует уникальный опыт сохранения культурной и конфессиональной специфики и жизнеспособности в постоянно изменяющихся социосистемах, уникальные адаптационные и стабилизирующие механизмы. Особый интерес вызывает в данном аспекте одно из малоизученных направлений в староверии – странническое согласие, которое отличается аскетизмом идеалов «древлего благочестия», стремлением к изоляции, оппозициональным отношением к официальным властям (непризнанием легитимности власти) и иноверцам. Опыт странников заслуживает пристального внимания, т.к. при всем пафосе мироотрицания, странники на практике демонстрируют успешное включение в сферы бытия [1, 100].

В основе конфессиональной специфики старообрядцев-странников лежит идея спасения «древлеправославного благочестия» и себя как его хранителей путем изоляции от мира, поврежденного антихристом. Странники, с одной стороны, являются носителями когнитивной базы христианства, и религиозное сознание определяет основ-

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

ные ценностные ориентиры, с другой стороны, конфессиональные особенности – осознание собственной миссии – проецирует использование особых интеллектуальных, духовных, экономических и социальных практик, диктует использование определенных механизмов отбора информации, и ее структурирования. Эсхатологическое мировоззрение провоцирует осмысление происходящих в мире событий как естественного, predetermined хода истории, а также формирует определенную линию поведения «в последние времена».

Старообрядцы прежде всего стремились сохранить в «чистоте» «древлеправославную» веру, сакральный язык и национальную культуру. До сих пор данной конфессиональной общности удается сохранять принцип уклада жизни средневековой Руси, когда вероисповедание и быт составляли одно целое, являясь частями единой системы. Духовная практика никогда не подвергалась здесь упрощению, а жизненный модус – секуляризации, кроме того, повседневная жизнь не противопоставлялась теоретизированию. Поэтому, несмотря на эсхатологическую насыщенность вероучения, все это способствовало акцептации себя и мира и доказало жизнеспособность данного устройства. Но при всем ревностном отношении к сохранению «древлеправославного благочестия» «в чистоте» старообрядцам, тем не менее, пришлось создавать свое, особое «конфессиональное общество», формировать свою догматическую систему. Эти новшества во много раз оказались радикальнее «никоновских справ». В то же время, данные процессы не означают нарушение дониконовского православия, а являют собою дальнейшее развитие древнерусских традиций в условиях нового времени, в иной культурной ситуации, т. к. все инновации осмыслились и обосновывались через авторитетные тексты, содержащие в себе потенциальные возможности интерпретации, что позволяло сохранять базовую конфессиональную специфику.

Анализ рукописных текстов старообрядцев-странников XVIII-XX вв. позволяет определить факторы, оказывающие наибольшее влияние на эволюцию письменного узуса, и выделить основные стабилизирующие механизмы, выполняющие функции регулятивов языковой деятельности данных авторов.

Динамика изменений языка на разных уровнях в исследуемых сочинениях дает возможность выявить устойчивую основу, не подвергавшуюся разрушению, и подвижные элементы, а также взаимодействие центральных и периферийных единиц.

Сопоставление языка сочинений странников с кодифицированным языком синхронного периода, а также с языком сочинений старообрядцев других согласий, способствует установлению различий в отборе и использовании языковых средств, осознаваемых авторами как маркированные признаки книжности, релевантные для дихотомии книжного и некнижного языков.

Прежде чем обратиться к анализу языковых особенностей данных текстов, следует отметить, что в жанровом отношении сочинения старообрядцев-странников отличаются удивительной насыщенностью. В состав каждого рукописного сборника включаются разнородные тексты: сочинения полемические, исторические, назидательно-поучительные, законодательные (уставные), что представляет собой особенность старообрядческой литературы. Текстологический анализ показал, что жанровые различия напрямую связаны с употреблением тех или иных языковых элементов, например, в текстах назидательных, к которым относятся «Цветники», использование простых претеритов выше, чем в исторических.

Жанровое разнообразие в данном дискурсе формируется постепенно, так «Цветники», обучавшие «жизни во спасение», получили наибольшее распространение в конце XVIII – начале XIX века, что привело к утверждению традиции, ставшей «своего рода культурным мифом, своеобразной приметой и одновременно символом старой книжности» [2, 156]. А в XIX веке у странников возрастает интерес к истории своего согласия, что характерно для старообрядчества конца XVIII – начала XIX вв. Именно в этот период появляется все больше исторических сочинений, в которых старообрядчество осмысливается в общем потоке христианской истории. В это же время все

больше внимания уделяется и конкретной личности как важной части общины. Именно в начале XIX века появляется первый библиографический старообрядческий словарь: «Каталог или библиотека староверческой церкви собранный тщанием Павла Любопытного в Санктпетербурге 1829 г.». На важность традиции исторического осмысления своего согласия для старообрядцев указывает тот факт, что представители конфессии вплоть до нашего времени составляют биографии своих учителей и единоверцев [3].

Ведущим стабилизирующим фактором, формирующим книжный язык старообрядцев-странников, является установка на преемственность языкового поведения. Основными механизмами преемственности выступают: апелляция к авторитетным источникам, реинтерпретация, компиляция.

При этом преемственность выражается не только на языковом уровне, но и на внешнем оформлении рукописей. Так, палеографический анализ старообрядческих рукописей XVIII-XX в. показывает, что странники в совершенстве владеют искусством изготовления кожаных переплетов, изящных формуаров, орнаментом в технике горячего тиснения. Они используют в своих рукописях каллиграфический полуустав, заставки, выполняемые в различных стилях (старовизантийском, старопечатном, терапедическом и т.д.), используют вязь с мачтовыми лигатурами, надстрочные знаки, знаки придыхания, напольные рисунки, концовки. В графике отмечается использование «юсов», и других традиционных кириллических букв, лигатур, выносных букв, диаграфов, подтительных сокращений, буквенной пагинации. Числовые обозначения представлены буквами под титлом. При этом встречается использование кроме полуустава скорописи, а также вариативное написание одной и той же буквы, отражение предложных и союзных сочетаний без словоразделения. Непоследовательно употребляются прописные и строчные буквы, цитаты в текстах, как правило, не выделяются.

Отличительной чертой страннических текстов является то, что кроме авторитетной топики авторы активно используют в своих сочинениях различные светские источники: законодательные документы, указы, распоряжения, светскую литературу, для доказательства правоты своих взглядов, для аргументированной полемики со своими оппонентами, которыми были странники разных толков, старообрядцы других согласий (федосеевцы, филипповцы и т.д.), государственная власть, официальная церковь. Адресованность книжных текстов, таким образом, была очень широкой, имплицитно они обращены к разнородной аудитории. Острая полемика, привычка к диалогу, межкультурное нахождение – требовали от авторов владение адекватными коммуникативными техниками.

Таким образом, гетерогенность состава страннических сочинений проецирует присутствие в них языковых элементов двух систем: традиционной (средневековой), в которой отражается неконвенциональное отношение к языковому знаку, и унифицированной. Старообрядцы равно владеют двумя данными системными кодами, что позволяет им осваивать и реинтерпретировать новые ситуации, аккумулируя при этом традиционный опыт и увеличивая коммуникативную активность и эвокационные способности.

Владение традиционными книжными средствами, тематический диапазон их применения представляют собой наиболее значимый аспект рассматриваемой языковой ситуации, отличающий данный письменный узус от кодифицированного русского языка. При этом выбор вариативных средств определяется культурологической установкой авторов и прагматическими параметрами.

Преемственность, как стабилизирующий механизм развития книжного языка исследуемого дискурса, выражается в ориентации на традиционный книжный язык и в активном владении и использовании в речевой практике церковнославянского языка – традиционного языка православия и сакральных текстов «дониконовской печати», бытующих в старообрядческой среде. Данные прецедентные тексты содержат базовые ценностные характеристики, идеологемы и мифологемы, оцениваются автора-

ми как трансляторы идей и стратегий в постоянно изменяющихся условиях. Именно авторитетная топика позволяет обосновывать надежные решения актуальных проблем, так как в контексте эсхатологически ориентированной культуры любые инновации не должны, по мнению странников, оцениваться как новшество, они должны находиться в рамках христианского опыта. Культивируемые идеалы и ценности выполняют роль защитного барьера, включая обыденное действие, мотив и интерес в сферу конфессионально обоснованного поведения. В духовной практике достоверными являются только те стратегии, которые строго выдержаны в рамках преемственности традиции, что служит защитой от произвольных интерпретаций модификаций [4, 102]. Таким образом, апелляция к сакрально-авторитетным текстам как речеповеденческая тактика представляет собой однородную по интенции и реализации линию речевого поведения адресата, служащую для достижения определенного стратегического перлокутивного эффекта.

Данные прецедентные тексты являются для старообрядцев образцом действия, по которому сверяются и оцениваются все поступки. При этом прямые цитаты из Священного Писания, богослужебной литературы, трудов отцов церкви входят в вновь создаваемый текст как цитаты на церковнославянском языке строгой нормы. То есть, текстовые реминисценции сакральных текстов носят не стилистическую нагрузку, как знаковость книжности, а выполняют установку на определенное соотношение производимого текста с предшествующим, служат средством «включения» описываемой действительности в священную историю творения Бога, возводя единичное в типичное, и, соответственно, способствуют адекватному пониманию текста. Кроме того, часто используется и аллюзивный текст, а также на основе апелляции – репелляции, при возникновении у контрагентов неправедных мнений, так как любая инновация в конфессиональной, социальной или экономической практике требует специальной обдуманности и обоснованности на основе авторитетных источников. Таким образом старообрядцы используют тактику усложнения, привнесения дополнительных компонентов для интерпретации ситуации.

Реинтерпретация, которую используют авторы-странники в своей коммуникативной практике, обусловлена как внутренними, системными, факторами, так и внешним воздействием. При постепенной реинтерпретации опыта предшествующего поколения осуществляется анализ воспринимаемого узуса и осмысление собственного предназначения. Кроме того, на реинтерпретацию оказывает влияние традиционный книжный язык, то есть происходит не только усвоение и восприятие книжных элементов, но и их воспроизведение: *егда бо никонъ патриархъ приемъ высочайшии престоль, тогда великаго смущения иматежа **исполни** црковь, великихъ озлоблениш и б'ьдѣ люди, великаго труса и колебания **наполни** всю росию...стьхъ оцъ соборныхъ клятвы **прерва**. и яже въсокровици сердца своего новостей пос'бяния **возим'ь**. сия въ црковь непреподобн'ь вънести **оумысли**... и **собра** вся архиереи на соборъ. овья ласканиемъ, овья лестию, овья же царскимъ страхомъ къ своему нам'бреню **привлече**, непокаряющихъ же ся оузами, темницами, ранами, изаточеными, горчайшими смертymi настоящего жития **лиши** и **повел'ь** печатати книги свъше означеными нововнесениш [5, 350-360].*

Компилятивная техника применяется странниками с определенной обработкой, например, редукцией текста, пересказа, дополнения, комментариев. При обосновании каких-либо уставных правил, догматов, странники осуществляют поиск соответствующих прецедентов в авторитетных сочинениях. Так, при обосновании неприемлемости записи в раскол¹ автор-странник использует в качестве неоспоримого свидетель-

¹ Странники осуждали староверов, которые записывались в раскольнический двойной оклад. Считали эту запись «отвержением» от веры Христовой, так как, по их мнению, назваться *раскольником* равнозначно тому, чтобы признать себя *еретиком*, т. е. отступником от православия. Но проблема заключалась в том, что соловецкие отцы, авторитеты для старообрядцев всех согласий, были записаны в первую ревизию 1716 года. На этот факт указывали странникам их оппоненты, выступавшие за запись в

ства правоты своей точки зрения Притчу о Варлааме со своими дополнительными комментариями: *нохуждши и безсловенныхъ освоемъ хрстианскомъ имени неуцѣломудришася Обачеже древле пррдниши оцы пустынножителше, неточше осамѣхъ себѣ кожда, но и опрочихъ единовѣрныхъ слышати нетерпѣша, но отрекошася всячески чеждаго хрстианомъ нарицания, якоже грядущее явить слово. Внегда авениръ царь индийскии, князя своего аирахия посла свои, навзыскание варлаама, аки прельстивша сна его иосафа... обаче пустынножителше они прбниши оцы...обаче варлаама прелестника от невѣрныхъ нарицаема слышаще, неслагахуся в реченици, ни бо рекоша просто, замногия дни не видѣхом его но рекоша сице: аще о варлаамѣ шцещи, то подобаетъ ти реци, гдѣ есть от прелести возврати и спасе сна црева [6, 183 об.].* Компиляция стимулирует использование в языковой практике традиционных книжных форм при выполнении нестандартной коммуникативной задачи.

Выявить доминирующую норму данного письменного узуса, а также слабые звенья системы, наиболее подвижные, и устойчивые, позволяет сравнение разных по времени и территории создания списков одного текста. Так, нами были обнаружены несколько списков одного текста, «*Отвѣтъ хртіянь, наприсланья тетрати испомория*», в собрании рукописных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (г. Томск) (Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, В-5688, Сборник старообрядческих полемических сочинений об антихристе, пер. пол. XIX в.; В-5441, Сборник старообрядческий, 30-е годы XIX в.) и Российской государственной библиотеки (г. Москва) (Отвѣт; хрстианской; властѣм; богопротивным по вопросу, РГБ, собр.Е.В.Барсова, ф.17, №523, XIX в. 11,5 13,5 см, 4л. Нач.: «*Отвѣтъ, мы, милостию бжю хртіяне, сътранствующици, за имя, isa хрта въ здѣшней сибирской стране...*» (л.1).).

Сравнительный анализ данных текстов, первые из которых относятся к первой половине XIX века, а последний – ко второй половине XIX века, свидетельствует, что слабыми звеньями системы являются:

- графическое смещение *ѣ* и *е*: *грехи, грѣхъ, безгрешно; дѣлы/дела, делесы; въ шлцехъ/въ шлцѣхъ; воустехъ/воустѣхъ; гдѣ/где, нигдѣ/негде; василѣй/василей; сѣменовичъ/семеновичъ, непоколѣбимо/непоколебимо* и т.д. Только с «ятем» используются лексемы: *вѣра, вѣка/вѣцѣ, исповѣданьемъ, лѣто, вѣчная, нынѣшнихъ;*
- смещение «юса малого» и *я*: *за имя, сохрани мя, василия, собрания, помория, овсякой вѣщи, память, писания* и т.д.;
- недифференцированное использование лигатуры «ук» и буквы *у*: *вашему, уже, воустехъ;* без вариантов, только с лигатурой «ук» употребляются слова: *безразсудно, суды, оглаголуште;*
- смещение *ц* и *с*: *цвѣтникъ/свѣтник, изписма/исписма;*
- смещение *ж/ш*: *тяшкий;*
- использование вариативных флексий *аго/ого*: *единого/единого, гордаго/гордого*. Церковнославянская норма сохраняется без вариантов в написании слов: *бжественнаго, крста живоноснаго;*

раскол. Опровергнуть этот факт странникам было непросто. Все спорящие обосновывали свои позиции ссылками на традицию, на мнение авторитетов дониконовского православия и раннего старообрядчества. Опора на традицию, соотнесение собственной проповеди с идеями отцов церкви были обязательны для любой конфессии. Каждый старообрядческий идеолог прилагал значительные усилия для доказательства того, что его учение – это и есть сохраненная в чистоте и правости «старая вера», уходящая к истокам христианства [7: 38]. Необходимо было довести цепочку авторитетов до своего времени. Из этого двойственного положения странники вышли следующим образом: стали доказывать, что записи в раскол 1716 года и 1744-1745 годов были в корне различны. В первой записи поморские отцы себя раскольниками не называли, это наименование употреблялось по отношению к ним со стороны «никонян», которые переписывали «выговцев» принудительно. Сказок они о себе не подавали, называли себя пустынножителями и скитскими общителями, таким образом, ни в чем не соглашались с «указным повелением» [8: 179-193 об.].

• использование вариативных флексий разных частей речи: *древняя книги, во отвѣтной своей книгѣ/книги, богатыя, надо капиталу, никакого страху, от еретикъ, лишново говорилъ, от туду, откуду, въпрошломъ годѣ/году, оглаголите неповинна члка кара, которой выникогда лично невидали/котораго* и т.д.

Данные написания не снижают успешности зрительного декодирования, не противоречат стоящей перед автором коммуникативной задаче. Такие написания могут быть рассмотрены в виде некоторого ядра, иллюстрирующего те направления, по которым идет «новаторская» деятельность языковых субъектов.

Устойчивыми звеньями системы можно назвать следующие особенности:

• использование простых претеритов: *вдах, послася, неположиса, отвѣщахъ*;

• форм *dualia tantum*: *ногама, нозѣ, по ушю*;

• вокатива: *брате, любимиче, хртолюбче, оче, человѣче, читателю*;

• энклитических местоимений: *ми, на тя* и т.д.: *мы же все нижашия въ члцѣхъ, не откира, ниже киромъ научени исповѣданю православныя вѣры, но отсамого превѣчнаго слова бжия, га нашего иса ха чрезъ стое и бжественное писание научихомся, и присно славными пророками утвердихомся, и стыхъ славныхъ апль учениемъ вразумихомся. истыхъ богоносныхъ отць седми вселенскихъ соборовъ наказаниемъ просвѣтихомся исповѣданьемъ провославныя хрстьянска вѣры доконца жития своего непоколѣбимо* [9, л.10б.-2];

• использование флексии *-аго* в конфессионально значимых лексемах: *древлецерковнаго блговерия, хрстьянскаго цртвия, апльскаго*;

• частотное использование абстрактных существительных на *-ание, -ение, -ие*, собирательных: *созидания, содержание, исповѣдание, запрещенія, вкушение, пожитие, братия, мучитиліе, начертания, глаголаніе, размышление, пустынножитиліе, злостраданіе, слышаніе*;

• использование форм со следующими «устойчивыми» флексиями: *съ соловецкими отцы, печатными листы; людемъ единыя, правыя вѣры, стыя восточныя цркви, поморскія авторы; двѣма персты*;

• использование форм со свистящими: *о семъ вѣцѣ, въ члцѣхъ, раскольницы и раздорницы, стѣранницы есмь мы бга ради*.

В сочинениях XVIII века, например, основателя страннического учения, инока Евфимия, талантливого писателя и проповедника, наблюдается активное использование форм консервативного дательного множественного, энклитической частицы *бо*, простых претеритов. Анализ соотносительных образований показывает, что формы имперфекта образуются от основ несовершенного вида, а аористные формы могут быть образованы от основ как совершенного, так и несовершенного вида. *Л*-формы автор чаще всего использует при передаче чужой речи, тогда как в нарративном тексте употребляются аорист и имперфект: *присла брата матфея иваныча соизвѣстием. онъ же приехавъ объявилъ мнѣ аще: прислали де меня братия до васъ оче* [6, 127]; *егда вы наутро паки приидаете, въ субботу, и со андреем ивановымъ и скѣлешникомъ его. азъ же начахъ к вамъ глти сице:...однако пришло мнѣ в размышление о сем, еже иванъ алексейчъ вменял мене грѣшнаго вне иноческаго чина и мирскимъ именемъ повелѣвалъ именовати, в право поставлял отцова ограбление. и того ради нѣ вамъ извѣстуетъ, что...*[6, 125 об.]. Но этот принцип не распространяется на передачу высказываний сакральных лиц, где традиционно в функции ввода прямой речи (как и в повествовании о самом лице) используются аористные формы, причем наблюдается перемещение аориста глагола *речи* в интерпозицию по отношению к прямой речи, что свидетельствует уже о некоторой формализации его значения: *оставите ба рече гдѣ оставится и вамъ* [6, 129 об.]; *токо поминая реченныя стыми: держитесь рече предания старецъ, яко ти навькоша от оцъ своихъ* [6, 2 об.]; *в бесѣдахъ стыхъ злоуст глетъ :...не яко рече соединение црковное в раздоры и в расколы разѣкоша,*

но от расколь и раздоръ потщашася црковь разрѣшити [6, 3]. Использование аористных форм в отношении к сакральным лицам связано с особенностями религиозного восприятия странниками временных форм. Старообрядцы сохраняют средневековое отношение к временным формам, дифференцируя их на те, которые «выражают бытие, и те, которые выражают предбытие» [10, 42]. Исходя из этого, формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе во времени, поэтому, в соответствии с христианской религией, они одни способны выражать действия, имеющие атрибут вечности. Формы перфекта и будущего времени выражают действия, ограниченные во времени, поэтому не могут соотноситься с сакральным лицом.

Если сравнить использование временных форм в страннических сочинениях и кодифицированных текстах синхронного периода, то увидим разное соотношение данных форм. Например, сравнивая репрезентацию временных форм в предложениях с указанием на сакральное лицо у странников и у Ф.Прокоповича, можно наблюдать отражение традиционного (средневекового) взгляда и взгляда «новой» культуры. Так в Словах и «речах» Ф.Прокоповича наблюдаем: «И что дивнѣе: сам **узаконил бѣше** (бог) *Исраилю жертвы и приношения и различная празднования* 1. 12. 217; «*Прият (Христос) истотнѣ вся наша немощы земныя, възлжася бо, и възжадася, и утрудися от пути, и прослезися над Лазарем и требоваше, гдѣ бы главу подклонити, и надходящу страданю своему **ужасался и тужил***». 1.6.133» [11, 16-17]. Данные примеры отражают уже секуляризационное сознание автора, которое проявляется в отношении к языковой форме как конвенциональному знаку. Отношение старообрядцев к языковому знаку остается неконвенциональным, они не допускают возможности интерпретации сакрального текста, подразумевающей изменение значения, а значит и смысла [12, 333-367].

Традиционный взгляд старообрядцев на языковую форму как на «неусловный знак», наглядно отражается и в каноническом тексте, а именно, в текстах Псалтыри, которым они до сих пор пользуются. Так, если сравнить текст старообрядческой Псалтыри и текст «никонианской» Псалтыри, например, псалом 49, то увидим следующие отличия: *Грѣшнику же рече бгъ, вскую ты поведаеши оправдания моя, и восприемлещи завѣтъ мой оустны твоими. Ты же **возненавидѣ** наказание, и **отверже** словеса моя въспять. Аще **видяше татя, течаше** с нимъ и съ прлюбодѣмъ оучастие свое **полагаше*** (Псалтырь 1911: ОАоб-ОВ); «никонианская» Псалтырь: *Трешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания моя и восприемлещи завет Мой усты твоими? Ты же **возневавидел еси** наказание и **отвергл еси** словеса Моя въспять. Аще **видел еси татя, текл еси** с ним, и с прлюбодеем участие твое **полагал еси**» (Пс. 1992). Таким образом, в «никонианской» Псалтыри все формы аориста и имперфекта заменены на перфект в речи Бога. Заметим, что в конце XIX – начале XX вв., когда в церковных кругах официальной церкви велись многочисленные дискуссии о церковнославянском языке богослужебных книг, не раз звучали мнения о несовершенстве никоновской редакции этих книг. В числе первых рекомендаций по их исправлению предлагалось «восстановить имперфект, который при справе во многих случаях был заменен перфектом; восстановить замененный перфектом аорист» [13, 68], как писал М.В. Никольский, справщик Московской Синодальной типографии, «эта замена является одной из самых характеристических и важнейших нововведенных исправлений» [13, 68].*

Таким образом, сопоставительный анализ языка сочинений старообрядцев-странников с кодифицированным языком синхронного периода, а также с языком сочинений старообрядцев других согласий, позволяет выявить различия в использовании языковых средств, осознаваемых авторами как маркированные признаки книжности, релевантные для дихотомии книжного и некнижного языков. Например, предпочтительность форм простых претеритов существенно отличает страннические рукописи от книжно-литературных текстов XVIII века, в которых доминирующей формой прошедшего времени выступают л-формы, а церковнославянские образования отмечают-

ся как редкие вкрапления [14]. Соотношение форм прошедшего времени в страннических рукописях почти полностью совпадает с системой книжно-литературных текстов XVII века, то есть, авторы-странники XVIII века в своих сочинениях выдерживают традиционное соотношение форм прошедшего времени в пропорциях XVII века. В рукописях XIX века преобладают *л*-формы, составляя около 70% всех форм, в то время как на аорист приходится 25 %, а на имперфект – 5 %. Следует отметить, что церковнославянские образования наблюдаются не только в цитатах основного корпуса канонических текстов, но и в собственно авторских текстах. Использование маркированных языковых элементов зависит и от типа текста: в полемических и назидательных сочинениях их больше, чем в текстах, где преобладает историческое повествование.

Состав показателей книжности в сочинениях странников в диахронии практически не меняется. Рядом с церковнославянскими элементами в данных текстах используются варианты, выходящие за рамки книжно-литературных. В XIX – начале XX вв. состав маркированных книжных элементов практически не меняется, но их наполненность в процентном соотношении снижается.

Кроме того, странники чутко ощущают автономию письменного узуса. В их тексты очень редко проникают разговорные формы, хотя иногда наблюдается отражение произносительной нормы: *Много ты лишново говорить; какъ тебѣ несовьстно кажись видишся ты члкъ хорошей а какую скверность приносишь исамъ невтребующее естество приемлешь; Мартинъ. Намъ стое евалие глетъ аще веденци будете предсудши и влди имене моего рад непецьтеса како глите или что отвѣцаете. Стыи бо дхъ научитъ вы в той часъ что подобаетъ реци...Архимандритъ. Перестань дружокъ много говорить нопослушай насъ поиди вцрковъ нашу ащели непойдъши то всалдаты отдадимъ* [15, 136 об.]. Следует подчеркнуть, что такие явления отмечаются не часто и зависят от территориального происхождения авторов: *квѣтникъ* вместо *Цвѣтник*, *инператор*, *миколай*, *с табаю*, *дарогою*, *пабесѣдовати*; отражение ассимиляции согласных по глухости – звонкости: *не здѣлай*, *тетратку*, *зборник*, но и: *недостадах*, *произшедшем*; в местоименной флексии отражение произносительной нормы с лабиальным встречается рядом с традиционной книжной: *ево*, *нанево*, *его*, кроме того, встречается северно-русский вариант: *ева*, как и у прилагательных в Р. п.: *хорошева*; мена букв *о/е* при обозначении гласного после шипящих и *ц*: *староверцов*, *с товарищом* и т.д. Изменения в письменном книжном языке происходят по пути постепенного замещения элементов на основе их схожести по форме, содержанию или функции. На начальном этапе «новый» элемент сосуществует со «старым» как дублирующий, затем становится нейтральным и, наконец, базовым. Конфессиональная принадлежность авторов-странников накладывает на функциональные варианты символические смыслы. Выбор линии преемственности мотивирован сознательной установкой старообрядцев.

Проведенное исследование показывает, что инновационные тенденции осуществляются в пределах возможной вариативности системы, при этом в рамках сохранения конфессиональной ценности и целостности. Отбор языковых средств носит осознанный характер, осуществляется, исходя из читательской практики авторов. Когда при оценке современной авторам ситуации, при выполнении нестандартных коммуникативных задач ориентация на традиционные книжные средства и языковые стереотипы не помогает, и требуется существенная адаптация и поиск новых средств выражения, все инновации не только не выходят за пределы языковой системы, но и за рамки нравственно-религиозных установок, т.к. выбор средств обуславливается читательской практикой, освоенным топосом, формирующим опыт письма.

Письменный узус старообрядцев, таким образом, обладает собственной органичной динамикой. Конкретные параметры эволюционных механизмов в данном дискурсе позволяют восстановить целостную языковую систему в исторической непрерывности, что, в свою очередь, является актуальным для выявления механизмов и

стратегий развития русского литературного языка как важнейшей духовной ценности, формирующей модель мира носителей языка.

Эволюция письменного узуса старообрядческих текстов показывает, что изменение языковой нормы не противоречит языковой системе, все инновации заложены в потенции системы, но от читательского опыта пишущего зависит, какие инновации активизируют то или иное выражение. На формирование языковой практики влияют тексты, которые усваивают носители языка, уместность того или иного средства автор выносит из своего читательского опыта. Сформировавшийся язык, в свою очередь, влияет на ментальные процессы и адаптационные техники, на восприятие и концептуализацию мира. Все сказанное доказывает необходимость и перспективу дальнейшего изучения данного дискурса.

Список литературы

1. Шемякина О.Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 2.
2. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. – Новосибирск, 1996.
3. Покровский Н.Н., Скитские биографии // *Новый мир*. – 1992. – №8. – С. 194–210.
4. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2007.
5. Примеры в работе приводятся из рукописных текстов странников без сохранения авторской орфографии. Сборник старообрядческий, РГБ, собрание Ундольского, № 511.
6. Ответы Архангелогородских староверцов, XVIII в., РГБ, собрание Ундольского, ф.310, № 510.
7. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1996.
8. О расколническомъ именовании и запискѣ яко цркви неполезна, но паче есть вредна, и сомнительна сихъ ради, XVIII в., РГБ, собрание Ундольского, ф.310, № 510.
9. Сборник старообрядческих полемических сочинений об антихристе, пер.пол XIX в. ОРКП НБ ТГУ. № В-5688.
10. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. – Ленинград, 1984. – 206 с.
11. Цит. по: Кутина Л.Л., Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // *Язык русских писателей XVIII века*. – Ленинград, 1981. – С. 7–46.
12. Успенский Б.А., Избранные труды. В 2 т. – Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994.
13. Плетнева А.А., Дискуссии о церковнославянском языке в конце XIX века. Позиция архаизаторов // *Вопросы языкознания*. – 1998. – №5. – С. 67–73.
14. См.: Нагорная С.Ю., Морфологические особенности сочинений старообрядцев-странников XVIII-XIX веков // *Дис. ... кандидат. филол. наук*. – М., 1999.
15. Сборник старообрядческий историко-полемического характера, нач. XX в. ОРКП НБ ТГУ. № В-5515.

ETHNO-LINGUISTIC TRADITIONAL DISCOURSE IN THE LIGHT OF DEVELOPMENT STRATEGIES NATIONAL LANGUAGE

S.J. Nagornaya

Belgorod State University

e-mail: nagornaya@bsu.edu.ru

The article discusses the features of the standard language for example, works of the Old Believers-wanderers, the influence of traditional texts in stabilizing and adaptive capacities in a changing sociosystem, identify mechanisms of succession, a stable foundation in writing the language, not being destroyed, and mobile elements.

Key words: history of literary language, Old Believers, evolution and mechanisms of succession.